

Глава 4: Мой отец

Известие о том, что я ударил второго сына, немедленно дошло до отца.

Ко мне, вечно своевольному, приставили слугу для присмотра, так что подобная скорость меня ничуть не удивила. Потому-то отец и вызвал меня к себе.

Пока я шёл по коридору главного корпуса, встречные слуги перешёптывались за моей спиной, даже не думая скрываться. Должно быть, презирали меня, считая, что моего шаткого положения недостаточно, чтобы счесть это за непочтительность. Запоминая лица всех, кто судачил, и стараясь не привлекать внимания, я наконец добрался до отцовского кабинета. Увидев роскошь, не сравнимую с моим отдельным корпусом, я на миг отвлёкся от мрачных мыслей — богачи и впрямь живут по-другому.

Одна только дверь стоила дороже годового дохода обычной семьи. Вероятно, отчасти это делалось ради престижа, но я невольно подумал, что деньгам можно было найти и лучшее применение.

Вечно стоять перед дверью, однако, ничего не изменит. Раз уж вызвали на разнос, надо войти и покончить с этим поскорее.

Я глубоко вдохнул и постучал в массивную дверь.

— Это Со.

— ...Входи.

— Прошу прощения.

Разрешение войти дали сразу же, и я, пряча прорывающееся на лице раздражение от всей этой канители, медленно переступил порог.

Кабинет, как и дверь, был обставлен с вызывающей роскошью. От входа до стола, за которым сидел отец, оставалось шагов десять — настолько просторным оказалось помещение. Без преувеличения можно сказать, что комната была втрое больше моей.

Отец, просматривавший документы, поднял на меня взгляд.

В прежние времена я ворвался бы сюда без приглашения, даже не дожидаясь позволения. А войдя, тут же начинал говорить, пусть отец и не отвечал, занятый работой, — лишь бы только он обратил на меня внимание. Я, наверное, мешал ему, но другого места, где можно было застать отца, попросту не знал.

Мы жили врозь, ели порознь, весь наш быт разнился — не ходи я к нему сам, мы могли бы не видеться не то что месяц или два, а запросто целый год. Теперь-то я намеревался обратить это себе на пользу, ограничившись самым необходимым минимумом встреч, но из-за того, что ударил второго сына, все планы полетели кувырком.

Не желая злить отца ещё сильнее, я, не дожидаясь его слов, пал ниц в догэдза.

— Что ты делаешь?!

Похоже, такого он не ожидал — от него веяло потрясением.

— Мне нет прощения. Я готов принять любое наказание.

Если извиниться первым и перехватить инициативу, другой стороне должно стать труднее злиться. Как я и рассчитывал, отец пришёл в замешательство. Казалось, он не находил в себе гнева и раздумывал, как поступить.

Но головы я пока не поднимал. Благодаря контрасту с моим прежним поведением, чем дольше я стоял на коленях, тем сильнее был эффект.

— Так, в любом случае, подними голову.

— Нет. Чтобы вы поняли всю глубину моего раскаяния, я не могу сдвинуться с места.

— Я сказал, хватит.

Он взял меня за руку и рывком поднял. Поставленный на ноги в неудобной позе, я увидел лицо отца совсем близко.

Он производил впечатление человека, с достоинством принявшего возраст, — словно постаревший старший сын. От него веяло холодом, но в лице, обращённом к двум старшим братьям, появлялась теплота. Правда, на меня он ни разу так не смотрел.

— Прошу прощения.

— Довольно. Можешь больше не извиняться.

Меня усадили на диван, а отец сел напротив. Прямо как на допросе с пристрастием.

— Итак? Почему ты ударил Акидзи?

Значит, всё-таки спросил. Я мог бы рассказать, но очевидно, что, скажи я всё как есть, меня ждал бы лишь гнев.

— А что говорит противоположная сторона?

Мне было любопытно, что сказал второй сын.

— Акидзи молчит.

Сам молчит. Хитро.

Хочет всю ответственность свалить на меня? Вот уж действительно человек с извращённым характером, отвратительный тип.

— Что вы собираетесь делать, узнав причину? То, что я виноват, всё равно не изменится. Пожалуйста, поскорее назначьте наказание. Может быть, домашний арест? Если так, я готов подчиниться прямо сейчас.

— П-подожди.

— Есть ли нужда ждать? Всё равно от ожидания результат не изменится, и вам ведь неприятно даже смотреть на моё лицо, верно?

Я услышал, как он затаил дыхание. Попал в точку.

Тогда и причин меня удерживать нет. Приняв во внимание его тяготы, я поднялся.

— В наказание за то, что ударил его, я не буду месяц выходить из отдельного корпуса. К счастью, мне наняли домашнего учителя, так что покидать дом необходимости нет. Я буду тихо сидеть и не попадаться вам на глаза. А теперь позвольте откланяться.

Я сам определил суровость кары, исходя из прошлых мер, озвучил её и, не дожидаясь ответа отца, вышел из комнаты.

Сегодня его отношение было мягче, чем в моих воспоминаниях. Но это не значило, что он стал добрее.

Целый месяц я не смогу покидать отдельный корпус. Хотя я сам это предложил, положение и впрямь стеснённое. Я ведь только собрался заняться физической подготовкой, а теперь и носа наружу не высунешь.

Но бездействовать я совершенно точно не намерен.

Поразмыслив над тем, что делать, я тут же нашёл решение.

Раз нельзя тренироваться снаружи, буду тренироваться внутри. Сил на это у меня как раз хватало.

Решил — действуй немедленно.

Я позвонил в колокольчик, вызывая слугу, и попросил об одной вещи. Поначалу просьбу встретили с недоумением, но вскоре, видимо, решили, что у меня опять начались привычные капризы, махнули рукой и подчинились.

<http://bllate.org/book/18080/1739675>